УДК 34.047

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ И МЕХАНИЗМА ПРАВОВОССТАНОВЛЕНИЯ

© 2011 г. ***А. В. Кузьмин***

Санкт-Петербургский университет МВД России

Статья посвящена актуальным проблемам восстановления ограниченных субъективных прав. Рассмотрены виды правовых ограничений по характеру правомерности действий субъектов-носителей субъективного права, подвергшегося ограничению и субъектов-правоограничителей. Осуществлен анализ особенностей механизма правовосстановления в зависимости от способа ограничения субъективного права.

Ключевые слова: *субъективное право; восстановление права; правовосстановление; ограничение права; право на жизнь; чрезвычайное положение; военное положение; противодействие терроризму.*

Article is devoted actual problems of limited subjective rights restoration. Some kinds of legal restrictions on character of subjective right carriers' actions legitimacy are considered, basing on kinds of rights and restricting subjects. The analysis of restoration mechanism's features is also carried out, depending on a way of subjective right restriction.

Key words: *subjective right; rights restoration; restriction of the subjective right; the state of emergency; martial law; opposition to terrorism.*

Основное предназначение механизма правовосстановления состоит в реальном обеспечении субъективных прав участников правоотношений. Особую значимость в этом смысле приобретает восстановление прав человека. По словам С. Л. Сергевнина, «именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, обеспечиваются правосудием» [3, с. 152].

В современной юридической науке субъективное право рассматривается в системной связи с юридической обязанностью, составляя в совокупности с ней содержание правоотношения. Одним из важных свойств взаимодействия права и обязанности выступает возможность ограничения субъективного права. Правоограничивающими факторами могут выступать, во-первых, пределы реализации законных интересов других субъектов и, во-вторых, границы юридических обязанностей носителя данного субъективного права. Необходимо признать, что права субъектов могут быть ограничены как добровольно, так и принудительно.

Добровольное правоограничение предполагает воплощение в жизнь особых обязательств или потребностей, препятствующих реализации доступного субъективного права. Исходя из того, что право есть мера возможного поведения, следует обратить внимание на потенциальную возможность человека осуществлять любые принадлежащие ему права. При этом носитель такого права имеет безусловную возможность добровольно отказаться от его реализации. Если такой отказ невозможен имеет место обязанность, а не право.

Достаточно ярким примером реализации особых правоограничивающих потребностей является суицид, выступающий всего лишь реализацией одного из правомочий субъективного права на жизнь. Другой пример работники правоохранительных органов и иных силовых структур, не имеют права уклонить-

ся от выполнения служебных обязанностей, даже если это ставит под угрозу их жизнь и здоровье. Так, сотрудник органов внутренних дел при поступлении на службу приносит присягу, в которой берет на себя обязательства «... не щадя своей жизни ... осуществлять служебные обязанности» [1].

Особым вариантом добровольного ограничения субъективного права является фактический отказ гражданина от их реализации в условиях содействия правосудию. В Федеральном Законе РФ от 20 августа 2004 г. №119-ФЗ (ред. от 5 апреля 2010 г.) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» установлены параметры восстановления некоторых субъективных прав таких лиц.

Принудительные способы ограничения субъективного права предполагают ограничение, во-первых, в связи с неправомерными действиями субъекта-правоограничителя (правонарушающее воздействие на правообладателя); во-вторых, в связи с неправомерными действиями самого носителя права, подвергающегося правоограничению (совершение правонарушения и претерпевание вследствие этого определенных лишений личного, организационного или имущественного характера); в-третьих, в связи с правомерными действиями субъекта-правоограничителя (введение чрезвычайного или военного положения) при правопослушности носителя ограничиваемого права.

Наличие правовых ограничений ставит перед государством важную задачу обеспечения защиты и восстановления ограниченных субъективных прав. Для эффективной защиты прав человека принципиальное значение приобретает механизм правовосстановления. Эта юридическая конструкция включает в себя следующие элементы: нормативную правовую основу (источники права, регламентирующие правовосстановление); субъекты (правовосстановители; правоограничители; правосоискатели); правовые средства (выявления нарушенного права; оценки нарушенного права; определения методов восстановления права; осуществления юридического и фактического восстановления права). Целью функционирования такого механизма является повторное наделение субъекта ранее имевшимися правами в натуре или в соответствующем эквиваленте.

Исходя из особенностей правоограничения необходимо отметить, что восстановление ограниченных субъективных прав происходит в силу указания закона или исходя из существа такого правоограничения. Правоограничения добровольного характера снимаются после отказа от таковых обладателя субъективного права. Так, для восстановления права поддерживать жизненные функции организма голодающему человеку достаточно возобновить приём пищи. Вместе с тем, ряд ситуаций предполагает восстановление права посредством не только волевого акта правообладателя, но и иными обстоятельствами. Например, абитуриент, набравший необходимое для поступления количество баллов, не представляет в приемную комиссию оригинал документа об образовании. В таком случае правоограничение характеризуется конкретным сроком или вообще моментом, после которого право утрачивается окончательно.

Восстановление прав, ограниченных правомерными действиями субъекта-правоограничителя, вызванными правонарушающими действиями носителя субъективного права происходит вследствие окончания срока правовых ограничений, прямо или косвенно установленных правоприменительным актом. В этом случае восстановление ограниченного права осуществляется с момента прекращения обстоятельств, являвшихся основанием для правоограничения. Так, право на свободное передвижение восстанавливается с момента отбытия наказания, связанного с лишением свободы.

Восстановление прав, ограниченных неправомерным воздействием на их носителя, происходит путем контрвоздействия на соответствующего субъекта нарушения. Например, в ситуации незаконного лишения свободы воздействие на субъекта-правоограничителя возвращает обладателю соответствующее право. При этом воздействие может быть правовым (выраженным в исполненном акте применения права) и силовым (принудительное исполнение акта применения права или проведение специальной операции, например, по освобождению заложников). Кроме того, в случае невозможности восстановления субъективного права в натуре применяется механизм возмещения вреда, причиненного правонарушением. Наряду с

судебным порядком требования возмещения вреда в рамках гражданского или уголовного процесса, российское законодательство предусматривает и возможность административного порядка возмещения причиненного преступлением ущерба. Это относится к вреду, причиненному в результате террористического акта. Так, ст. 18 Федерального закона РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ (в ред. от 27 июля 2010 г.) предусматривает, что государство осуществляет компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта. Следует отметить, что в эти выплаты законодатель не включает компенсацию морального ущерба, указывая, что таковой осуществляется за счет лиц, его причинивших. Часть 2 этой же статьи определяет, что «возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета». Здесь возникает вопрос о порядке возмещения такого ущерба. Неурегулированность этого вопроса очевидна и находит подтверждение в ряде судебных решений. Так, 13 июля 2009 года было принято Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа в кассационной инстанции по делу №А77-372/2007 [2]. Не вдаваясь в детали оснований принятия окончательного решения, обращает внимание позиция суда первой инстанции. В качестве одного из оснований отказа в иске было указано отсутствие механизма возмещения такого ущерба.

Наиболее сложным представляется вопрос о восстановлении прав законопослушных субъектов, ограниченных вследствие правомерных действий государства. Это вызвано столкновением интересов государства и негосударственных субъектов, что фактически ставит перед государством определенные финансовые и организационные обязанности по восстановлению ограниченных прав. Осложняет финансовое бремя государства и неопределенность конкретного источника правоограничения, а в случае с опасными ситуациями природного характера – и вовсе с их отсутствием.

Отечественное законодательство в ст. 29 Федерального Конституционного Закона РФ «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 года №3-ФКЗ (в ред. от 7 марта 2005 г.) определяет параметры правовосстановления относительно лиц, пострадавших в результате обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения, или в связи с применением мер по устранению таких обстоятельств или ликвидации их последствий. Им предоставляются жилые помещения, возмещается причиненный материальный ущерб, оказывается содействие в трудоустройстве и предоставляется необходимая помощь на условиях и в порядке, установленных Правительством РФ.

Федеральный Конституционный Закон РФ «О военном положении» от 30 января 2002 года №1-ФКЗ (в ред. от 3 ноября 2010 г.) не содержит положений о восстановлении ограниченных субъективных прав. Судя по смыслу этого закона, лица, права которых ограничены введением военного положения, не могут претендовать в таком случае на какую-либо компенсацию.

Здесь мы подходим к наиболее важному моменту анализа состояния механизма правовосстановления в нашем государстве. Очевидно, что для эффективного функционирования механизма правовосстановления необходимо наличие всех его элементов – нормативной правовой основы, субъектов и средств правовосстановления. Наиболее дефектной выглядит структура механизма правовосстановления относительно субъективного права законопослушного субъекта, ограниченного правомерными действиями государства. Представляется, что ресурсы государства должны быть перенаправлены на возмещение ущерба, причиненного таким лицам. Более того, необходимо учитывать закрепленную в ст. 2 Конституции РФ формулу «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Вместе с тем, здесь очевидно противоречие – ресурс любого государства не является безграничным. Поэтому государство вынуждено изыскивать возможности минимизации своих расходов. А во всех остальных случаях правоограничения государство не тратит (или практически не тратит) свой финансовый, имущественный и организационный ресурс, обосновывая это либо правонарушающим поведением носителя права, либо правонару-

шающим поведением правоограничителя.

Таким образом, основная проблема механизма правовосстановления – ограниченность ресурсов государства. Это предопределено объективными причинами, поскольку, например, массовые требования восстановления своих прав субъектами, которым причинен ущерб военными действиями, поставит государство практически в положение обанкротившегося должника – у государства просто не будет такой возможности. Особенно если иметь дело с перманентным вооруженным конфликтом, где нет побежденной стороны (с которой можно взыскать контрибуционные выплаты), а расходы государств велики.

Стоит ли в таком случае абсолютизировать правоограничение и признавать принципиальную невозможность восстановления в определенных условиях некоторых вполне восстанавливаемых прав? Ответ, как представляется, лежит в плоскости функционирования правового государства. В этом случае принцип взаимной ответственности государства и личности работает как раз на решение вопроса восстановления ограниченного права в пользу носителя такого права.

Очевидно, что в условиях полного отсутствия механизма правовосстановления невозможна эффективная защита субъективных прав. И здесь необходимо найти четкий баланс между возможностями государства с одной стороны, и требованием правовосстановления с другой. В этом отношении целесообразным выглядит необходимость определения способов восстановления нарушенного права. Вопрос сроков, сумм, конкретных организационных действий государства может обсуждаться и варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. В случае же отсутствия такого механизма или его дефектности, следует вменить в обязанность суда определять параметры правовосстановления по своему внутреннему убеждению, исходя из общих принципов права. Кроме того, ключевым аспектом правовосстановления может выступить исключение возможности неконструктивной (без вынесения решения по существу) отмены судебного решения судом апелляционной или кассационной инстанций.

Представляется, что только в таком случае ценность субъективного права, в первую очередь прав человека, будет трансформирована из сферы научной абстракции в конкретно-юридическую реальность.

Литература

1. Присяга сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Утверждена постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года №4202-1. // Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – №2. – С. 70.

2. Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа по делу №А77-372/2007 [Электронный ресурс] / Клерк.Ру все о бухгалтерском учете, менеджменте, налоговом праве, банках, 1С и программах автоматизации. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.klerk.ru/doc/156196/, свободный (16.09.2010). – Загл. с экрана.

3. *Сергевнин С. Л.* Конституция и ее ипостаси в правовом государстве: некоторые аспекты философско-правового осмысления. // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. / Ред. Миронов В. В., Солонин Ю. Н.; издание Московско-Петербургского философского клуба. – М.: Летний сад, 2010. – С. 146–176.

Поступила в редакцию *10 декабря 2010 г.*

Андрей Владимирович Кузьмин – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Andrey Vladimirovich Kuzmin – Ph.D., candidate of jurisprudence, docent of Russian Ministry's of Affairs Saint-Petersburg University, department of State and Law Theories.

198302, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, д. 18, кв. 333
18 Marshala Zhukova pr., app. 333, 198302, Saint-Petersburg, Russia
Тел.: +7 (911) 910-74-51; e-mail: ak78rus@gmail.com